16. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 350 с.

УДК 37(09).09(470.5)
ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.08

Ю.В. Дёмина
Екатеринбург

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОЛОДА 1932-1933 ГГ.: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, голод, геноцид.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные проблемы современной зарубежной историографии голода 1932-1933 гг. Исследование показало, что тема голода активно изучается зарубежными историками и события 1930-х гг. становятся инструментом политический борьбы.

Y.V. Demina
Yekaterinburg

INTERNATIONAL HISTORIOGRAPHY 1932-1933 FAMINE .: MODERN STAGE

KEY WORDS: historiography, famine, genocide.

ABSTRACT. In the article reflects the main problems of modern foreign historiography hunger 1932. Study showed that hunger topic has been studied extensively by historians and foreign events of the 1930s have become a tool of political struggle.

Голод 1932-1933 гг. является достаточно болезненной темой, как для России, так и для всех бывших республик СССР. События 1930-х гг. повлекли за собой огромный общественный и научный резонанс во всем мире. Политическая ситуация сегодня складывается таким образом, что ряд исследователей активно продвигают концепцию «геноцида», другая часть исследователей, придерживается более взвешенной оценки и считает причинами голода совокупность социально-экономических и природных

факторов.

Зарубежные исследователи уделяют пристальное внимание данной проблеме. Вышедшая в 2011 году монография С. Уиткрофта и Р. Девиса (1) даёт подробное представление об урожаях зерновых и хлебозаготовительных планах в 1932-1933 гг. Исследователи полагают, что голод был вызван рядом социально-экономических и природно-климатических факторов. Два неурожая 1932-1933 гг., привели к дефициту хлеба к весне 1932 г., а проводимая Советским государством индустриализация и политика коллективизации, включавшая неподъемные хлебозаготовительные планы, нанесла деревне сокрушительный удар (1. С. 15). Описывая масштабы трагедии, авторы приходят к выводу, что голод имел место быть не только в Украине и Казахстане, а также застиг ЦЧО, Северный Кавказ, Татарскую и Башкирскую АССР, Поволжье, Уральскую область, Сибирь и Дальний Восток (1. С. 417). Имеющийся в исследовательском арсенале материал показал, что сверхсмертность в 1932-1933 гг. составляла около 4,6 млн человек (1. С. 119).

С. Уиткрофт проделал тщательную работу по изучению демографических последствий голода 1932-1933 гг. Им был осуществлён детальный анализ всех имеющихся статистических данных.Региональные потери населения на Украинебыли чрезвычайно высокими, но не за счет тех областей, где в избытке производились зерновые, а за счет Киевской обл., переживавшей последствия резкого сокращения снабжения Киева из республиканских источников. Для того, чтобы компенсировать недостаток снабжения, киевский областной комитет партии самовольно инициировал беспредельную экспроприацию зерна в хозяйствах Киевской обл., когда центральная программа продразверстки уже закончилась. С. Уиткрофт и Р. Девис не согласны с концепцией голода-геноцида, получившей стремительное развитие в многочисленных трудах европейских историков.

Французский историк Николя Верт подходит к проблеме голода с позиции «геноцида». Ссылаясь на новые опубликованные источники, исследователь показывает весь ужас репрессивной политики на Украине, акцентируя внимание на распространявшиеся антисоветские настроения. Раскрывая вопрос продовольственной помощи регионам, автор утверждает, что

данная мера была «смехотворной» и Украина получала минимальную помощь. В период с января по июнь 1933 года, когда голод достиг наибольших масштабов, центральные власти приняли не менее 35 постановлений о помощи регионам, испытывающим «продовольственные трудности». Реально оказанная помощь составляла приблизительно 320 000 тонн, что в пересчете на 30 миллионов голодающих составляло лишь 10 килограммов зерна на человека, или едва 3 % общего среднегодового потребления крестьянина! Касаясь хронологии голода, Н. Верт отмечает, что до лета 1932 года украинский голод имеет те же причины, что и общесоюзный, но с лета 1932 года ситуация меняется, как только Сталин решает наказать украинских крестьян, сопротивлявшихся «новому крепостному праву». Крестьян наказали тяжелее всех — голодом и мучительной смертью миллионов человек. Оценивая жертвы от голода, автор приводит цифру равную более 4 миллионов человек на Украине и Северном Кавказе (7).

Зарубежный исследователь Норман Наймарк характеризует голод 1930-х гг. как геноцид (4. С. 4). Наймарк даёт свое определение «геноцида» как систематического массового уничтожения, сознательно совершаемого политической элитой государства против целенаправленно избранной группы внутри или за пределами этого государства. Именно это должно отличать геноцид от таких форм массового убийства, как погромы, резня или террористические взрывы.

Профессор Гарвардского университета Терри Мартин рассматривает голод в национальном ключе. Как показывает автор, разработанная политика коренизации в 1923 г. усилила национализм на Украине и Северном Кавказе, и впоследствии именно в этих регионах наблюдалось ожесточённое сопротивление политики коллективизации (2. С. 416). Кризис хлебозаготовок в 1932 г. возник в результате противодействия, которое оказывали хлебозаготовкам предатели в советском и партийном аппарате. Таким образом, причинами репрессий и голода в период кризиса хлебозаготовок отнюдь не были попытки решить таким образом национальный вопрос. Скорее наоборот, формирование «жёсткой линии» в национальной политике властей СССР стало следствием кризиса (1. С. 417). Терри Мартин не считает голод 1932-1933 гг. намеренным актом геноцида против украинского народа, хотя считает неправильным утверждать, что национальный фактор

вообще не играл никакой роли в возникновении голода (1. С. 420). По мнению исследователя, террор хлебозаготовительной компании 1932-1933 гг. распространялся и на русские, и на украинские территории, однако, наиболее жёстко был выражен на Кубани и Украине.

В поле зрения зарубежных исследователей попадают и вопросы изучения локальных масштабов голода. Итальянский исследователь Николло Панчиоли рассматривает процесс коллективизации и голод 1932 – 1933 гг. в Казахстане (5). Автор описывает компании по изъятию зерна у кочевого населения. Основной акцент делается на эмиграционные процессы среди населения в Казахстане. Произведённый подсчет показывает, что больше чем 1,5 миллиона сельских казахов сбежали с территории, охваченной голодом. Согласно некоторым оценкам 200000 сбежали в Китай, тогда как другой миллион людей сбежал в другие советские республики. Другая комиссия процитировала эти данные: 286000 семей (более чем миллион человек) покинули республику между 1930 и 1931; 78000 в 1932, и 31000 в 1933. За период 1931 – 1932 массовые бегства состояли в основном из беженцев, оставленные, не беря их животных с ними и в первый раз, когда большое количество людей умерли» (5. С. 108). Историк справедливо обвиняет советскую власть в политике «денационализации» казахов, которая разрушила культурные традиции казахского населения и привела к многочисленным жертвам.

Научный сотрудник Международного Института социальной истории Амстердама Хайс Кесслер уделил внимание Уральской области, в которой намечался кризис поставки зерна в 1932 – 1933 гг.В своём исследовании (3) историк показывает демографическую картину области. На 1933 г. смертность превышала рождаемость, причинами этого он считает плохой урожай 1931 года, вследствие чего возникла нехватка продовольствия. Автор отмечает, что ситуация была довольно критичной не только в деревне, но и в городе. Городские жители на Урале испытывали недостаток продовольствия. С апреля 1933 г. о случаях голодания сообщают многие районы. Голод был логическим завершением аграрной политики. Историк приходит к выводу, что голод – это результат неудачной аграрной политики государства, а не совокупность факторов, характерных лишь для территорий Украины, Казахстана, Северного Кавказа. Кесслер не поддерживает концепции

«геноцида».

Отклик концепции «геноцида» находит место и за океаном. В столице Соединенных Штатов 4 августа 2015 г. появился памятник, посвященный погибшим во время Голодомора 1932-1933 годов жителям Украины. Проект называется «Поле пшеницы» и представляет собой стену, на которой изображена пшеница и подписано Holodomor 1932-1933. На установке мемориала присутствовали посол Украины в США Валерий Чалый, автор проекта памятника Лариса Курилас, председатель Краевого комитета США по признанию Голодомора геноцидом Михаил Савкив, также представители компаний, которые занимались изготовлением и установкой бронзовой скульптуры. Торжественное открытие памятника состоялось 7 ноября 2015 года(6).

Заканчивая обзор сложившихся дискуссий вокруг голода 1932-1933 гг. следует сделать несколько выводов. Трагедия 1932 – 1933 гг. приобрела политический подтекст и стала использоваться некоторыми политиками Украины и явно антироссийскими силами ряда западных государств в конъюнктурных политических целях. Данная тема достаточно громко звучит в СМИ, афишируется в интернет-изданиях, однако выводы проведённых исследований лишены источниковой базы и трезвого подхода. Голод, как комплексное историческое явление изучено недостаточно глубоко. Историками вполне полно определены причины голода, процессы хлебозаготовительных компаний, однако, до сих ведутся дискуссии о демографических потерях, не до конца исследованы действия властей в преодолении голода. В историографии темы недостаточно изучен региональный масштаб трагедии, особенно слабо освещен вопрос о характере взаимоотношений деревни и города, деятельность местных властей по ликвидации голода. Несомненно, тема голода 1932-1933 гг. очень острая и болезненная, она требует ответственного и честного отношения исследователей. Поэтому, ещё не скоро утихнут споры касаемо причин и масштабов трагедии, поскольку данная тема погрязла в политике.

Литература:

1. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1932-1933. М.: РОССПЭН, 2011. 543 с.

2. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

3. Kessler G. The 1932 – 1933 Crisis and Itsftermath beyond the Epicenters of Famine: The Urals Region // Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context. Cambridge, 2008. P. 118-129.

4. Naimark N.M. Stalin′s Genocides. Princeton, 2010. 163 p.

5. Pianciola N. The Collectivization Famine in Kazakhstan? 1931 – 1933 // Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context. Cambridge, Massachusetts. 2008.

6. RYVI [Электронный ресурс] http://www.rtvi.com/video/40834

7. Werth N. The Great Ukrainian Famine of 1932-33. Online Encyclopedia of Mass Violence. 2008. [Электронный ресурс] http://www.massviolence.org/Article?id_article=166.

УДК37.016:94(47)
ББК Т3(2)р+Ч448.3(235.55)63 ГСНТИ 03.09.31
Код ВАК 07.00.03

В.В. Запарий
Екатеринбург

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ В УРАЛЬСКИХ ВУЗАХ В КОНЦЕ XX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, Россия, Урал, многоконцептуальность, высшее, среднее, образование, официальная история, факультативы, гражданственность, молодежь.

АННОТАЦИЯ. В статье дается характеристика работы преподавателей уральских вузов по созданию новых методик и учебниках по истории России, в условиях деполитизации после развала СССР. Проанализированы сильные и слабые стороны учебного процесса, сделаны выводы о необходимости официального учебника и многоконцептуального подхода в изучении истории в специальных факультетах вузов.